

Примечательно, что Л. Барщевский переводит это стихотворение и дает ему название «Пясняр». Ассоциации, которые возникают у белорусского читателя с этим словом, упоминались в этой статье немного ранее. Таким образом, переводчик не только передает общий смысл и сюжет стихотворения И. В. Гёте, но и, возможно, намеренно выводит на передний план более частную структуру, выделяя ее из общего архетипа творца, художника. Кроме того, невозможно не отметить, что такое решение определенно влияет на восприятие перевода белорусскими читателями.

Таким образом, мы видим, что образ поэта в веймарской классике занимает важное место, так как он неразрывно связан с архетипом художника и воплощает представления поэтов о роли искусства как такового. В то время при переводе на белорусский язык чаще всего данная тенденция сохраняется, но вместе с тем в некоторых случаях перерабатывается.

Библиографические ссылки

1. Лотман, Ю. М. Память культуры / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : Наука, 2000. – С. 600–656.
2. Гаўрук, Ю. Агні ў прасторах: выбраныя пераклады / Ю. Гаўрук. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1975. – 269 с.
3. Schiller, F. Die Kraniche des Ibykus [Электронный ресурс] / F. Schiller // Friedrich Schiller Archiv. – Режим доступа: <http://www.friedrich-schiller-archiv.de/gedichte-schillers/highlights/die-kraniche-des-ibykus/>. – Дата доступа: 17.02.2020.
4. Шылер, Ф. Улада песняспеву / Ф. Шылер. – Мінск : БДУ, 1997. – 168 с.
5. Тураев, С. В. Творчество Шиллера 1788–1805 гг. / С. В. Тураев // История немецкой литературы : в 5 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2 : XVIII в. – С. 365–399.
6. Славятинский, Н. А. Примечания / Н. А. Славятинский // Драммы. Стихотворения / Ф. Шиллер. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 845–864.

ПЕРЕВОД КАК ИНСПИРАЦИЯ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ, ВАЖА-ПШАВЕЛА)

Г. А. Джохадзе

Тбилисский Государственный Университет Ильи, факультет науки
и искусства, пр. К. Чолокашвили 3/5, Тбилиси 0162, Грузия
e-mail: jokhadzegrigol@yahoo.com; grigol_jokhadze@iliauni.edu.ge

На примере одной строчки Мандельштама в статье обсуждается ситуация, когда дух переводимого автора служит инспирацией создания новой поэтической реальности, которая подчас приобретает черты поэтического идеала.

Ключевые слова: Мандельштам; Важа-Пшавела; перевод; инспирация; новая поэтическая реальность.

**TRANSLATION AS AN INSPIRATION OF THE CREATION
OF A NEW POETIC REALITY (OSIP MANDELSHTAM,
VAZHA-PSHAVELA)**

G. A. Dzhokhadze

Ilya Tbilisi State University, Faculty of Science and Art,

Cholokashvili ave. 3/5, 0162, Tbilisi, Georgia

e-mail: jokhadzegrigol@yahoo.com; grigol_jokhadze@iliauni.edu.ge

By way of example of Mandelstam's single poetic line the article discusses the situation where the spirit of the author which is translated is turned into an inspiration for the creation of a new poetic reality. At times, it acquires characteristic of poetic ideal, as such.

Key words: Mandelstam; Vazha-Pshavela; translation; inspiration; new poetic reality

Во второй раз О. Мандельштам с женой приехал в Тифлис в июле 1921 г. По-прежнему за ним присматривали грузинские поэты, представители литературной группы символистов «Голубые роги» (П. Иашвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Н. Мицишвили и др.). Мандельштам за определенный гонорар стал переводить самих «Голубороговцев». Видимо, тогда же ему предложили перевести произведения и Важа Пшавела («сын из пшавелов», или же «Пшавский юноша» (Пшавели – этнографическая группа грузин, проживающих в горах Восточной Грузии), псевдоним Луки Павловича Разикашвили (1861–1915), признанного классика грузинской литературы, поэта с уникальным поэтическим миром и «голосом»).

Вдова Тициана Табидзе Нина вспоминала: «Его обеспечили едой, а сам переводил «Змеееда» [1, с. 99–100]. «Змееед» – эпическая поэма Важа Пшавела. По словам Надежды Мандельштам, «Поэты раздобыли Мандельштаму перевод Важа Пшавелы, и на террасах нижнего этажа время от времени между ними и Мандельштамом вспыхивали споры, в которые обе стороны вкладывали южную ярость и пыл.

Мандельштам нападал на символистов, а Яшвили именем Андрея Белого клялся уничтожить всех врагов символистов... Зато сходились все на одном: в оценке Важа Пшавелы» [2, с. 807–808].

Принимая во внимание тот факт, что сохранился единственный «мандельштамовский» перевод поэмы «Гоготур и Апшина», должны заключить, что Надежда Яковлевна имела в виду именно этот текст. Такое впечатление остается и у Павла Нерлера, который с некоторой долей патетики и «ясновидения» предлагает такую реконструкцию картины: «Именно в этот месяц, по-видимому, Тициан и Паоло делали для Осипа подстрочники и транскрипции его поэмы «Гоготур и Апшина». Восхитившись, Мандельштам сходу и на одном дыхании стал ее переводить» [3, с. 274].

Сам Мандельштам в очерке «Кое-что о грузинском искусстве» называл Важа Пшавела «вторым явлением, представляющим европейскую ценность» после художника Пиросмани: «Это был настоящий ураган слова, пронесшийся по Грузии, с корнем вырывавший деревья:

Твои встречи – люди мирные,
Непохожие на война,
Темнокудрый враг железо ест
И деревья выкорчевывает.

Образность его поэм, почти средневековых в своем эпическом величии, стихийна. В них клокочет вещественность, осязаемость, бытийственность. Все, что он говорит, невольно становится образом, но ему мало слова, он его как бы рвет зубами на части, широко пользуясь и без того страстным темпераментом грузинской фонетики. Молодая грузинская поэзия перенесла Важа Пшавела, как бурю, и теперь не знает, что делать с его наследством [4, с.17].

Мандельштам лишний раз вспоминает строчку из Важа Пшавела в своей скандально-правдивой «Четвертой прозе»: «Дошло до того, что в ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только сумасшедший нарост:

И до самой кости ранено
Все ущелье стоном сокола... –
вот что мне надо [5, с. 349].

Но подтвердить, что строка действительно являлась переводом слов Важа Пшавела, было нелегко: ведь в поэме «Гоготур и Апши-

на» такие слова не встречаются, а другие поэмы Мандельштам вроде не переводил!

Эту загадку не смог разгадать даже такой маститый литературовед и знаток творчества Мандельштама, как Андрей Синявский. Впрочем, он сам признался в этом. Вот фрагмент телефонного разговора Синявского с Надеждой Яковлевной (1976 г.): «Андрей Синявский: Надежда Яковлевна, у меня один частный вопрос. Кроме вас никто его разрешить не может. В «Четвертой прозе» Мандельштама есть двестише, и я не могу найти, чье это двестише:

И до самой кости ранено

Все ущелье криком сокола...

Надежда Мандельштам: Из переводов Важа Пшавела.

Андрей Синявский: Эта строчка Мандельштама, я никак не мог предположить, откуда это» [6].

Дело в том, что эта строка отсутствует в «мандельштамовской» версии «Гоготур и Апшина», и это понятно: в самом оригинале нет таких слов! Однако во втором томе четырехтомника Мандельштама (1993), в частности в отделе «приложения», под рубрикой «ИЗ ВАЖА ПШАВЕЛА» вышеупомянутая строка все же встречается [7, с. 542]. Можно предположить, что в процессе перевода, «заряженный» духом грузинского поэта, Мандельштам не смог удержаться и представил, что визг дикой птицы способен, пробраться в кости ущелья и даже ранить его. Так, вероятно, родился этот блестящий поэтический образ.

Другого мнения Павел Нерлер. По его словам, в Грузии поэма, переведенная Мандельштамом, так и не была напечатана целиком, хотя отрывки из нее дважды публиковались в Тифлисе – в газете «Фигаро» (№ 4 за 6 февраля 1922 года)... и в журнале «Пламя» (1923. № 1. С. 18). «Была и еще одна газетная публикация – удивительная! – в московской газете «Кооперативное дело» за 14 апреля 1922 года. Удивительная тем, что выводит нас за рамки «Гоготура и Апшины» и обращает внимание на другую поэму Важа Пшавела – «Копала» (1899). В публикацию вошли начало третьей главы «Гоготура и Апшины» и фрагмент первой части поэмы «Копала» – та самая пара строк, что в 1930 году всплывет в “Четвертой прозе”!» [8, с. 280].

Должен заметить, что именно в таком порядке и в идентичной конфигурации напечатаны вышеупомянутые эксцерпты в собрании сочинений Мандельштама (т. 2, 1993), как я уже указывал.

Что касается «догадки» Нерлера: вынужден разочаровать известного ученого и заявить: неправильна его «находка», якобы строки «Воздух сыт звериным шорохом. / И до самой кости ранено / Все ущелье стоном сокола», которыми так дорожил Мандельштам, встречаются в поэме «Копала». Это не так.

Посмотрим: тут, на мой взгляд, абсолютно неизгладимое впечатление создают образы стонущего сокола и ущелья, которое ранено этим же стоном до самой кости! Конечно, это прекрасно! Это настоящий акмеизм – никакой жеманности, туманности и «женственности!» Представляю, что случилось с Мандельштамом, когда после подстрочников стихов грузинских символистов, переполненных всеми этими символами, феерической претенциозностью и неясностью и т. д., вдруг наткнулся на «живых» мужчин, которые дрались с «живыми» дэвами, и т. п.! Но, увы, в поэме «Копала» такая строфа отсутствует. Следовало, что уважаемый мандельштамовед, проф. П. Нерлер сам убедился бы в этом – ведь сам же цитирует почти безукоризненный дословный перевод Паолы Урушадзе: «В (ущельях) неприступных скал / И сокол кричал (пронзительно), / и визги хищников / до края небес доходили» (Ср. это же место в переводе Н. А. Заболоцкого: «И выло зверье по лесам / За темной спиной можжевелин, / И жалобы птиц к небесам / Летели из горных расселин»).

К сожалению, слова с уст Нерлера о том, что такая строка отсутствует даже в другой поэме Важа Пшавела («Копала») и загадка остается неразгаданной, не прозвучали. Тем не менее для установления истины решаюсь предложить более-менее точный перевод этой строки, исполненный мной:

Сипение и мяуканье хищных зверей

Достигали небосвода (или же: доходили до небосвода (краев небес)).

В глухих (неприступных) Чиухах (Чиухи – голые заостренные скалы, ГД) визжал сокол». Вот и все. В поэме описывается картина природы, поэтому созданный «поэтический ландшафт», думаю, абсолютно органичен и логичен. Можно полагать, что пораженный этим естественным и горячим ядром, этим «диким мясом», Мандельштам сам создал вышеназванный блестящий образ – так часто происходит, когда инспиратор один, а «творец» другой! Более того: источник и итог инспирации почти всегда расходятся, как и в нашем случае.

И еще одно предположение: грузинские поэты предложили Мандельштаму несколько подстрочников поэм Важа Пшавела, в том числе и «Копала». Вспомним, что, по словам очевидицы Нины Табидзе, Мандельштам переводил «Змеееда!» Получается, что русскому поэту предоставили подстрочники по крайней мере трех поэм. Он «дегустировал» каждый из них. В случае «Копала» Мандельштам перевел какую-то часть, однако дальше, как говорится, дело не пошло, не получилось. И это смутит только того, кто ничего не понимает ни в поэтических, ни в переводческих баталиях.

Как не вспомнить тут случай с Бродским, о котором рассказывает ныне покойная грузинская поэтесса Дали Цаава. Бродский хвалил переводы стихов Галактиона Табидзе, исполненные Беллой Ахмадулиной. Грузинская поэтесса назойливо твердила, что духа Галактиона не чувствует и магии его слова тоже.

«Иосиф от удивления зажмурил глаза... перечитал перевод, и мы сравнили стихотворения «Мери» и «Тринадцать лет» с оригиналами.

Иосиф пошел на кухню варить кофе и вернулся веселым и довольным:

– Я уже перевел одну строчку, это было легко, вот послушайте: «Тебе тринадцать лет, и у тебя в плену...» – гордо произнес он рожденную строку. – Завтра, когда придете, перевод будет готов.

Он попросил немедленно сделать подстрочник стихотворения. Иосиф тщательно выяснил и уточнил каждую мелочь, каждый штрих, просил еще и еще читать стихи по-грузински. Когда подстрочник был готов, я поехала домой, знала: вдохновленный поэт теперь хочет беседовать только с Галактионом.

На следующий день Иосиф встретил меня небритым и утомленным:

– Всю ночь не смыкал глаз, но не перевел ни одной строчки.

К сожалению, диалог Иосифа с Галактионом не состоялся [9].

Возможно, и Мандельштам не смог пойти «дальше одной строчки» в случае «Копала», но творческий делирий от восприятия духа поэмы сохранился и вылился в такой вариации. Думаю, ему очень нравились эти строки, а может быть, идеальной поэтической материей ему представлялось именно «до самой кости раненное» тело слова!

Вспомним и Синявского. Он спрашивает, чьи эти строки. Ему отвечают: из переводов Важа Пшавела. А он, к удивлению читателя,

моему во всяком случае, удовлетворенно заключает: «Эта строчка Мандельштама!» Комично и парадоксально, но он прав. Это действительно строчка Мандельштама, инспирированная осязанием поэтического мира Важа Пшавела. Мандельштам пробовал переводить «Копала», как я предположил ранее, и от этой попытки осталась только выше неоднократно засвидетельствованная строчка. Естественно, она не была включена в какой-либо текст: во-первых, потому, что «Копала» в конечном счете Мандельштамом не была переведена, а во-вторых, потому, что таких строк Важа Пшавела не писал.

Мандельштам, как переводчик, допускал своевольные отступления от текста даже тогда, когда его труд квалифицировался как перевод, в нашем случае – поэмы «Гоготур и Апшина». Под словом «отступление» я, естественно, не имею в виду, что при переводе (особенно поэзии) часто меняются ритм, метр, а ради рифмы – даже целые предложения, добавляются или наоборот отнимаются слова и т. д. Это, как говорится, хрестоматия перевода, которая в особых разъяснениях не нуждается. Однако Мандельштам поэму «Гоготур и Апшина» перевел без рифмы, верлибром и все же в определенных местах не смог удержаться от «отсебятины» – на базе «чужого мира» создать свой – и тут вкус, мастерство, настроение и вообще вся эпистема как совокупность векторов познания во всех видах дискурса в какой-либо исторический период играют свою решительную роль.

Например, в «Гоготуре и Апшине» есть такой пассаж: жена бранит мужа (Гоготура) за то, что он в мирное время недостаточно проявляет свою силу, умение искусного война и отказывается действовать, как Апшина, т. е. разбойничать и награбленное приносить домой. Гоготур отвечает, что настоящий мужчина борется только с ворвавшимся врагом, налетчиком, и т. д. Гоготур вспоминает, как он встречал «татар»: себя сравнивает с гиеной, а нападающих – с джейранами. Сейчас посмотрим, как «перевел» эти совершенно «безобидные» строки Мандельштам:

Я врага приветил издали,
Как жирафа – тигр приветливый.

А. Цыбулевский, зоркий глаз которого заметил эту «неурядицу», так комментирует вышеназванный пассаж: «Мандельштам писал о многосмысленном корне поэзии... и получился очень сильный, незаурядный образ: это в картину просится: тигр издали видит жирафа – через минуту он бросится на него, но пока...» [9, с.187].

На наш взгляд, многое меняет разъяснение грузинского слова «мигебеба», что переводится, как «выйти, выходить навстречу». Гоготур говорит: «მტერს წიბ მე მივგებებოვარ, როგორაც ჯერბეებს ავთარბი», что дословно переводится как: «Я выходил навстречу врагам, как встречает гиена джейранов». Но грузин почти всегда употребляет слово «мигебеба» в положительном контексте, т. е. раз он «выходит», то выходит встречать только друзей, а не врагов. И тут «встречать» – почти «приветствовать!» Я думаю, что Мандельштаму могли это объяснить, а поэт, заинтригованный этим «неписанным законом», этой неожиданной «ментальной коннотацией», не смог удержаться, не заняться игрой слов, не создать этакую «инструментовку» текста (приветил – приветливый). А «жираф» и «тигр» – из «Бестиария» Мандельштама. «Несказуемая бытийственность», «непричесанная реальность», «поэтика доподлинности», вещный, предметный мир, осязаемость и осязаемость – аж до боли... К этому стремился Мандельштам в своем творчестве. Это хотел увидеть в творчестве других. Впрочем, он призывал к этому еще в 1919 году: «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя – вот высшая заповедь акмеизма» [5, с. 25].

Ради этого он готов был не скрывать, что переводчик – это автор нового произведения, творец нового мира. И цель – новая поэтическая реальность – как всегда, оправдывала средства.

Библиографические ссылки

1. Табидзе, Н. Радуга на заре, Тициан и его друзья (на грузинском языке) / Н. Табидзе. – Тбилиси: Артануджи, 2016. – 100 с.
2. Мандельштам, Н. Собрание сочинений в двух томах. / Н. Мандельштам. – Екатеринбург: Издательство ГОНЗО при участии Мандельштамовского общества, 2014. – Т. 1: «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967). – 864 с.
3. Нерлер, П. Осип Мандельштам и Грузия: Новые материалы / П. Нерлер / Текст и традиция. – 2019. – № 7. – С. 280.
4. Мандельштам, О. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. / О. Мандельштам. – М.: Прогресс-Плеяда, 2011. – Т. 3: Проза. Письма. – 944 с.
5. Мандельштам, О. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. / О. Мандельштам. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. – Т. 2: Проза. – 760 с.
6. Поверх барьеров с Иваном Толстым: к 115-летию со дня рождения Надежды Мандельштам [Электронный ресурс] // Радио Свобода, 21 октября 2014. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/26713998.html>. – Дата доступа: 30.03.2020.

7. Мандельштам, О. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Стихи и проза. 1921–1929. – М.: АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР, 1993. – 542 с.
8. Дали Цаава вспоминает Иосифа Бродского. Сны в кожаном кресле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://messie-anatol.livejournal.com/610262.html>. – Дата доступа: 30.03.2020.
9. Цыбулевский, А. Поэтика доподлинности (Критическая проза, Записные книжки, Фотографии) / А. Цыбулевский. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 387 с.

**АЎТАБІЯГРАФІЗМ У МАСТАЦКАЙ СІСТЭМЕ У. Б. ЕЙТСА
М. Ю. Шода**

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
факультэт сацыякультурных камунікацый, вул. Курчатава, 5,
220108,
Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: marshoda@gmail.com

Артыкул прысвечаны аналізу аднаго з перыядаў (1904–1916) творчасці ірландскага паэта У.Б. Ейтса з гледзішча прысутнасці ў ёй аўтабіяграфізму. Вызначаецца роля аўтабіяграфічных элементаў у пабудове міфалагічнага дыскурсу творчасці і стварэння ўласнага міфу аўтара.

Ключавыя словы: У. Б. Ейтс; аўтабіяграфізм; дыскурс; мастацкая рэальнасць.

**AUTOBIOGRAPHISM
IN THE ARTISTIC SYSTEM OF W.B. YEATS
M. Shoda**

Belarusian State University, Faculty of Social and Cultural
Communications,
Kurchatov str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: marshoda@gmail.com

The article is devoted to the analysis of one of the periods (1904–1916) of the work of the Irish poet W. B. Yeats from the point of view of the presence of autobiography in it. The role of autobiographical elements in the construction of mythological discourse and the creation of the author's own myth is determined

Keywords: W.B. Yeats; autobiographism; discours; artistic reality.